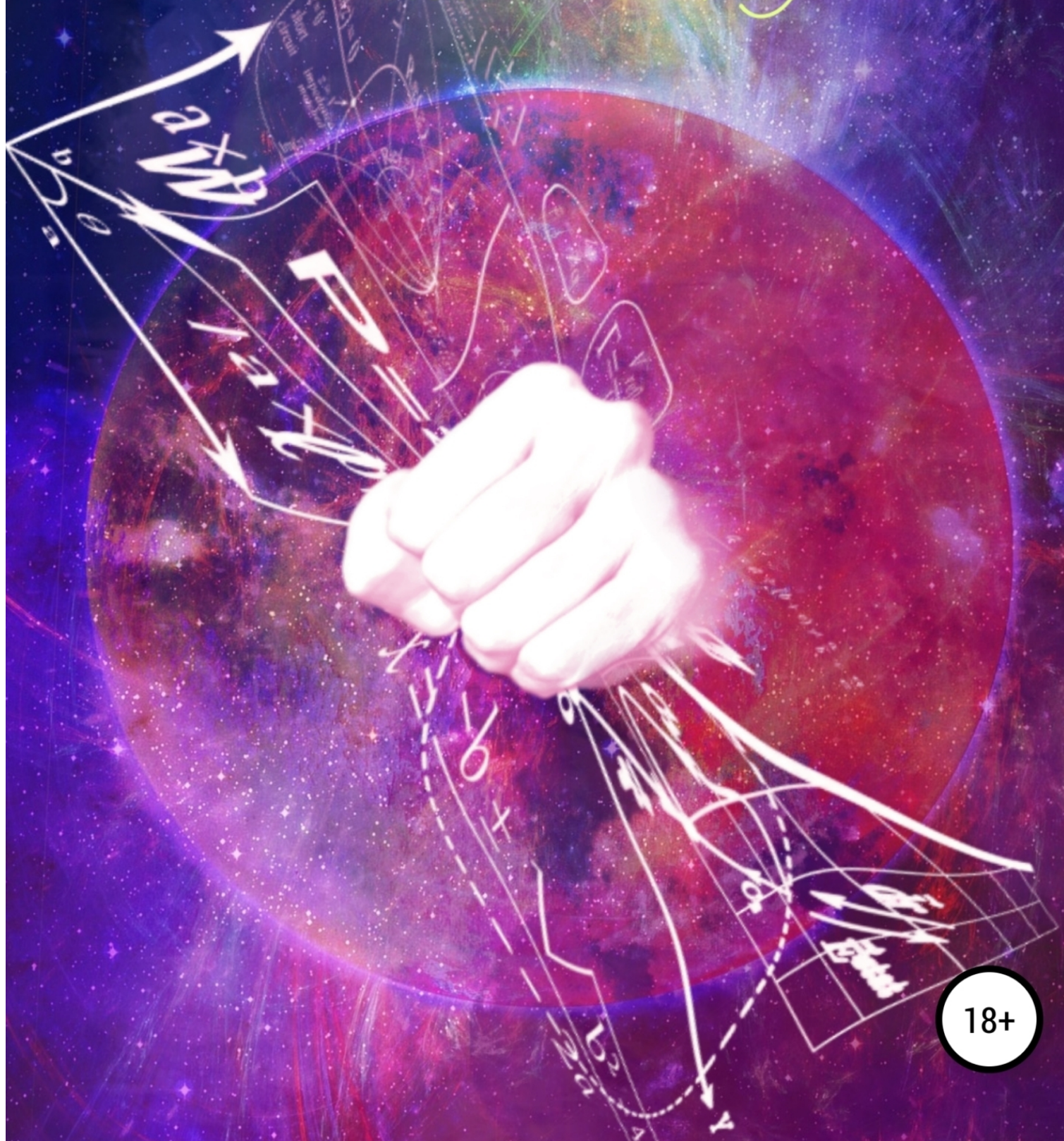

Антон Воробьев

LEX EST VOLUNTAS

ЗАКОН - ЭТО ВОЛЯ

18+

АНТОН Воробьев

Lex est voluntas

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Воробьев А. А.

Lex est voluntas / А. А. Воробьев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Перед выпускниками Института воли открыто множество дверей: люди, умеющие изменять физические константы, править формулы и устанавливать собственные законы природы, ценятся на вес золота. Разумеется, их услуги недешевы, но когда надо превратить холодные скалы Плутона в цветущий сад, никто другой с этим не справится. Главное в законотворческой деятельности – не заигрываться в бога и соблюдать все пункты Кодекса. Иначе возникнут проблемы...

© Воробьев А. А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Антон Воробьев

Lex est voluntas

Степан Стариков прибыл на Фрейю через мельбурнский портал, затесавшись в шумную компанию туристов. И сразу же почувствовал воздействие аномалии. Несколько нейронов в височной доле его мозга перестали передавать сигналы, а в участке коры, отвечающем за зрение, возникли новые связи.

«Закон: мои нейроны неподвластны этому влиянию», – напряг волю Степан.

Австралийцы никак не отреагировали на произошедшие с ними изменения. Из отчетов, впрочем, было известно, что отклонения в поведении становятся заметны не сразу. Если туристы вернутся на Землю через день-два, то выйдут из-под влияния аномалии без последствий.

Степан подошел к обзорному окну вокзала и полюбовался видом. Столица колонии утопала в зелени: парки, центральная аллея, цветы на балконах. Аккуратные пешеходные дорожки вымощены узорчатой плиткой. Всё в стиле ретро, но ненавязчиво, в меру.

В оконном стекле отражались туристы и сам Стариков – высокий русоволосый парень в белой футболке и пляжных шортах.

«Как самочувствие?» – прозвучал в голове вопрос Палпалыча.

«В норме», – коротко ответил парень по закрытой линии мыслесвязи.

«Степан, это твое первое дело, поэтому я буду тебе надоедать непрошенными советами, – предупредил начальник оперативного отдела. – Потерпишь моё занудство?»

«Не вопрос», – отозвался Стариков.

«Для начала проверь данные аналитиков. Всё в этой жизни бывает, датчики аномалий иногда врут».

«Я уже почувствовал влияние».

«Молодец, – похвалил Палпалыч. – Аналитики говорят, что наиболее сильное воздействие – в районе местного вокзала. Погуляй по округе, постарайся определить центр влияния самостоятельно. У тебя должно появиться ощущение аномальной области. Потом это поможет опознать источник отклонений, ты почувствуешь такое, знаешь, природное сродство между ними».

«Ясно», – сдержанно кивнул Степан.

«Не торопись, времени у тебя полно, – постарался успокоить волнение новичка Палпалыч. – Как закончишь с обходом – свяжись со мной. Или давай я лучше сам тебе позвоню, где-то через часик».

«Хорошо».

Начальство отключилось, предоставив новоиспеченному оперативнику-квестору разбираться с необычными ощущениями.

Степан вышел из здания вокзала и вдохнул поглубже свежий утренний воздух. Пахло хвоей и сиренью. За деревьями парка виднелись аккуратные трехэтажные домики, с витринами кафе и сувенирных лавок. Если бы не фиолетовый оттенок неба и две луны, столицу Фрейи можно было бы принять за провинциальный скандинавский город.

Стариков прислушался к ощущениям в голове и зашагал по дорожке в сторону жилого массива. Прогулку по аномальной области можно было совместить с обзором городских достопримечательностей – туристическая брошюра, которую ему всучили на выходе из портала, предлагала посмотреть на Камень Столтенберга и трехсотлетний кедр.

Кедр обнаружился в нескольких кварталах от вокзала, прямо напротив Камня – скалы красного цвета, выпиравшей из-под земли. Табличка возле дерева поясняла, что его посадил основатель колонии. Жиденький ручеек туристов пробежал мимо кедра и скалы почти не задерживаясь и исчезал за поворотом кривой улочки. Фрейя славилась не парковыми памят-

никами, а первозданной природой. Столицу окружали лесистые холмы, основной поток туристов направлялся напрямиком за город.

Степан проверил воздействие аномалии на свой мозг. И к своему удивлению обнаружил, что её сила возросла. Усиление было небольшим, на грани различения, но сомнений не оставляло – центр аномальной области находился не на вокзале. Сдвинув брови, Стариков зашагал по улице вслед за туристами. На перекрестке он остановился, прислушался к себе и свернул направо.

Звонок Палпалыча застал Степана в пригороде, в районе коттеджей.

«У аномалии может быть два центра?» – поинтересовался парень, объяснив ситуацию.

«Хм. Вряд ли, – ответил начальник отдела. – По крайней мере, я с таким не сталкивался. Нет, скорее всего ты прав, источник где-то в пригороде. Видимо, датчики среагировали на эльварийца возле портала. Чудо, что аналитики сумели вообще что-то разобрать в какофонии законов возле вокзала. Портал на Землю – сам по себе большая аномалия».

«Я думаю, источник – в этом коттедже», – Стариков переслал изображение одноэтажного домика, окруженного высокой живой изгородью.

«Проверь», – дал добро Палпалыч.

Степан открыл калитку – она оказалась не заперта – и вошел во двор. Там, возле грядок с цветами, стоял, опираясь на лопату, невысокий мужичек лет шестидесяти. Он с настороженным вниманием смотрел на нежданного гостя.

– День добрый, – приветствовал мужичек Старикова. – Ищете кого-то?

– Уже нашел, – отозвался Степан.

Возле фигуры с лопатой воздействие аномалии было максимальным.

– Ко мне, значит, – кивнул огородник. – А я смотрю – вы круги нарезаете по нашему кварталу. Не иначе, человека разыскиваете. Меня, кстати, Дмитрий Сергеевич зовут.

– Степан Александрович, – представился Стариков.

– Любите цветы, Степан Александрович? – полюбопытствовал мужичек. – Я, как на пенсию вышел, решил огородом заняться. Вот, посмотрите, какие маргаритки, – с довольным видом продемонстрировал он грядку. – Сам вывел!

Степан с интересом разглядывал пенсионера: лысина в полголовы, старомодные очки, животик. На плечах – куртка поверх майки, штаны заправлены в резиновые сапоги. На хрестоматийного злодея не похож.

Однако Палпалыч был иного мнения и, когда Стариков переслал ему картинку с огородником, приказал:

«Нейтрализуй его. Это преступник, давно в розыске».

Мужичок словно услышал мыслесообщение и заговорщицки подмигнул оперативнику:

– Привет сотрудникам чёрно-белого дома.

– Вы наблюдательны, – признал Степан. – Немногие способны распознать законотворца-вилара.

– Ерунда, – отмахнулся пенсионер. – Вилара почуять – раз плюнуть. Он как арбуз на натянутой простыне. Остальные люди по сравнению с ним – хлебные крошки.

– Рядом портал, – не согласился парень. – Если я – арбуз, то эльвариец, который обеспечивает транспортировку – стоэтажный небоскреб, проделавший огромную дыру в «простыне». Хорошее место, чтобы спрятаться – в тени инопланетянина никакой вилар не будет замечен.

– Но вы меня нашли, – усмехнулся Дмитрий Сергеевич.

– Да, – нахмурился Степан.

Чтобы привлечь к себе внимание рядом с порталом пенсионер должен был обладать таким потенциалом, что...

– Страшно? – с интересом заглянул в глаза оперативнику Дмитрий Сергеевич.

– Гм. Скажите, а зачем вы организовали эту аномалию? – сменил тему Степан. – Ведь если бы не она – так и жили бы себе здесь спокойно.

– Хе-хе! – развеселился пенсионер. – Смешной вы человек, Степан Александрович! Разве спокойствие и счастье – это одно и то же? А мне вот на старости лет вожжа под мантию попала: захотел людям помочь.

– И в чем же помощь? В том, что склоняете туристов к переселению на Фрейю? Не хорошо это, свою волю навязывать.

– Э-э нет, мил человек, остаются они здесь по собственному выбору.

– Вы искажаете их восприятие, приедем кажется, что лучшего места не найти во всей вселенной, – жестким тоном заявил Степан. – Это манипуляция чужим сознанием. «Помогаете» туристам войти в зону своего влияния?

– Миллиард хлебных крошек перевесит товарняк с арбузами, – тихо пробормотал Дмитрий Сергеевич.

– Вы преступили закон, – подвел черту под разговором оперативник.

– Вот тут ты прав, – неожиданно согласился пенсионер. – Я преступил... Эй, да ты дослушай!

Степан не стал дальше тянуть резину. Ситуация была ясна, разрешение на действие от Палпалыча получено.

«Закон: эпифиз объекта выделяет мелатонин... снижается активность бета-ритма... паралич конечностей...»

– Простенько, но мощно, – с уважением покивал Дмитрий Сергеевич.

Засыпать пенсионер, судя по всему, не собирался.

Степан сузил глаза и копнул более глубокие слои воздействия.

«Закон: все электрические импульсы в теле объекта замедляются... атомы кислорода не взаимодействуют с гемоглобином...»

– Уже лучше, – произнес пенсионер.

На его обширной лысине выступили бисеринки пота.

«...течение времени внутри тела объекта замедляется...»

– Парень, да кто ты такой? – с удивлением спросил огородник.

Вместо ответа оперативник-квестор усилил давление.

«...мерность пространства сворачивается в ноль...»

– Ну всё, довольно, – резко сменил тон Дмитрий Сергеевич. – Поигрались – и хватит. Извиняй, парень.

В следующий момент мир вокруг Степана расплылся цветастыми пятнами. Очертания предметов и краски начали растворяться друг в друге, звуки слились с ароматом маргариток и закружились снежным вихрем.

Воля оперативника была напряжена до предела, сохраняя островок стабильности внутри дикой пляски законов физики. Давление нарастало. Степан понял, что ещё чуть-чуть – и он не выдержит. И попросил о помощи.

– Что же ты сразу не сказал, кто у тебя в союзниках? – проворчал Дмитрий Сергеевич.

Они находились в техническом помещении вокзала, рядом с огромным аквариумом, в котором плавал эльвариец. Инопланетянин переместил их сюда, открыв на секунду внепространственный канал, и теперь с интересом рассматривал, направив на людей все свои шестьдесят четыре глаза.

– Это Тэккат, мой учитель, – пояснил Степан.

Руки парня мелко подрагивали от пережитого напряжения.

– Вон, значит, куда Ермолин удочку закинул, – протянул пенсионер. – Хитёр, лис, хитёр... Спорю, это он тебя с эльварийцем свел.

– Вы с ним знакомы? – удивился Стариков.

– Озадачен, с чего бы ректору Института воли иметь дело с преступником? – бросил на парня острый взгляд огородник. – Я не всегда в бегах был. Ты курс терраформирования проходил? Тогда мою методичку должен был читать. Арепьев – помнишь такого автора?

– Я в терраформировании не особо, – признался Степан. – А методичек было столько, что всех не упомнишь.

– Э-эх молодежь, – разочарованно протянул пенсионер.

– Я по крайней мере закон не нарушаю, – парировал Стариков. – Вы, кстати, арестованы, если что.

– Силенок-то хватит меня арестовать? – усмехнулся Дмитрий Сергеевич. – А ермолинские законы не грех и нарушить.

– О чём это вы? – не понял Степан.

– «О чём, о чём», – пробурчал огородник. – Слушать надо было, а не в драку кидаться. Зеленый ты ещё, Степан Александрович. Ну да ладно. Теперь-то хоть уши открой...

Эльвариец, который одновременно находился в тысяче разных мест, подправил основополагающие константы на грядке с маргаритками и вернулся к работе. Поддержание физических законов собственного сочинения требовало внимания.

Служба оперативного контроля занимала небоскреб, облицованный черным и белым стеклом. Степан вошел в здание, поднялся на лифте на двадцатый этаж и открыл дверь с табличкой «Старший квестор Чащин Павел Павлович».

– Присаживайся, – кивнул ему хозяин кабинета – мужчина лет пятидесяти, с густыми бровями и крупным носом.

Судя по быстрым движениям глаз, старший квестор работал с документами в мыслеинтерфейсе. Стариков устроился в кресле напротив и стал ждать, когда начальство освободится.

– Ну что, Степан, первый блин – комом? – с улыбкой подмигнул Палпалыч через минуту. – Не переживай. Преступника рано или поздно поймем, а аномалия без поддержки за неделю рассосется. Куда он, кстати, тебя забросил? Ты несколько часов не отвечал на вызовы, свободные квесторы тебя с факелами искали по всей Фрейе.

– На вокзал. По крайней мере, очнулся я там, – кратко пояснил парень.

– Надо было команду захвата собирать, – досадливо поморщился Чащин. – Да кто ж знал, что этот Арепьев настолько силен, – в голосе старшего квестора проскользнули виноватые нотки. – По нашим сведениям, у него индекс воли – сто пятнадцать. Для вилара – средний, прямо скажем. По идее, ты его должен был в бараний рог скрутить.

– А за что его разыскивали? – осторожно поинтересовался Стариков.

– Нарушение Кодекса, – ответил Палпалыч. – Серьезных последствий не было, поэтому особо и не искали. Восемь лет назад Арепьев поставил опыт на жителях Москвы. Он тогда работал преподавателем в Институте воли. Пока мы разбирались, чего он натворил, этот лысый дядька слинял.

– Гм. А можно мне посмотреть его дело? – попросил Степан.

– Хочешь поймать обидчика? – понимающе усмехнулся старший квестор. – Я не против, только в одиночку его не задерживай.

В мыслеинтерфейсе Старикова появился новый файл с материалами дела, на одном из изображений красовался знакомый огородник в очках и дорогом костюме.

– Ну что, Степан, боевое крещение ты прошел, хоть и не совсем удачно, – подвел итог Чащин. – Вот тебе текущие задачи, – перекинул он парню ещё с десяток файлов. – Сейчас покажись врачам и до конца дня отдыхай. А завтра с утра – впрягайся.

Аэротакси подлетело к зданию, напоминавшему закрученные спиралью разноцветные ленты, и приземлилось на площадке тысяча пятнадцатой квартиры. Стариков вылез из машины, прошел в прихожую и оттуда поднялся по широкой лестнице в зал. Наверху его встретила Дарья – рыжеволосая девушка с голубыми глазами.

– Привет, Степашка, – чмокнула она парня. – Давай быстрее купайся, ужин стынет.

Небольшой столик возле широкого окна был заставлен бумажными коробочками из «Снежного лотоса». Приняв душ, Степан приземлился на стул и воткнул палочки в ароматную лапшу.

– Ну что, волны были? – поинтересовалась Дарья. – Успел покататься?

– Да, – кивнул Стариков. – Палпалыч удачный момент выбрал, чтобы связаться – я как раз под гребень зашел. Он мне задание объясняет, а я его слушаю и думаю, как бы не навернуться, – усмехнулся парень. – Доску пришлось в местном клубе оставить, потом заберу.

– О, давай рассказывай про свое первое задание! – в предвкушении подобралась девушка.

– Гм. Да в общем, это был провал, – опустил взгляд Степан. – Преступник вырубил меня и сбежал.

– Бедненький, – погладила его руку Дарья. – Сильно досталось?

– Не очень, я уже в норме, – заверил парень. – Слушай, ты же у нас препод по истории?

– Еще два года учебы и – да, – улыбнулась рыжеволосая девушка. – А что?

– Знаешь, где можно достать записи от две тысячи двести восьмого года? Дневники, письма – что-нибудь в этом роде.

– Чьи именно записи? – не поняла Дарья.

– Обычных людей.

– Из какого-то конкретного города? Страны?

– Нет, можно из любого места.

– В архивных базах данных должны быть, – подложила себе в лапшу грибы девушка.

– А на бумаге?

– Не знаю, – пожала плечами она. – Почти четыреста лет прошло, найти будет сложно. Музеи могут хранить бумажные документы, но письма простых людей – вряд ли. Если только у кого-то есть семейный архив... А зачем тебе?

– Хочу проникнуться той эпохой, – разлил чай по чашкам Степан. – Мировые войны, первый контакт, основание Института воли – романтика!

– Ты ищешь что-то конкретное, – проницательно заметила Дарья. – И, если скажешь, что именно – найти будет проще.

– Я пока сам не знаю, чего ищу, – признался Стариков. – Но думаю, что заметки тех лет мне помогут.

– Ладно, поспрашиваю у знакомых, может у кого-то сохранились семейные дневники, – пообещала девушка.

– Спасибо, – улыбнулся Степан. – Родина тебя не забудет.

– Ну уж нет, красавчик, ночью сам расплатишься, – насмешливо прищурилась Дарья.

Наутро Стариков открыл наугад один из новых файлов и углубился в изучение дела. На картинках мелькали виды Цереры – там располагалась экспериментальная площадка терраформистов. Представив, сколько аномалий завязано в тугой узел на этой карликовой планете, Степан чертыхнулся. Но откладывать выбранное дело и браться за другое не стал.

Ближайший портал на Цереру находился в Институте воли, поэтому Стариков направился в альма-матер.

Здания института занимали несколько кварталов в северной части Москвы. Кроме лекционных залов, лабораторий и общежитий на обширной территории располагались три бас-

сейна, стадион, парк, сеть закусочных и музеев. По кампусу курсировали флайбасы, возле общежитий возвышался многоэтажный транспортный узел.

Степан вошел в салон пузатой маршрутки вместе со студентами из Индии. Смуглые юноши и девушки на протяжении короткого полета бросали на него настороженные взгляды. Стариков сначала решил, что измазал футболку кетчупом, но потом понял, что дело в значке квестора – в мыслеинтерфейсе, в общедоступном для просмотра профиле красовался алый треугольник с золотым орлом в центре. Для студентов Института воли квесторы были ходячим напоминанием о Кодексе. Степан вспомнил, как сам на первом курсе вытягивался в струнку и мысленно перебирал все свои мелкие нарушения, стоило человеку с алой эмблемой оказаться рядом. Чтобы не нервировать молодежь, парень скрыл значок в профиле, оставив для обзора только имя.

Лаборатория терраформирования – огромное здание в форме куба – источала запахи перегной и молодой листвы. Внутри, в изолированных «аквариумах» с вакуумом и жестким рентгеном студенты игрались с законами природы, пытаясь подогнать их к нуждам земной флоры и фауны.

У входа Стариков наткнулся на Тимофея – знакомого, с которым тренировался в одной команде по плаванию. Рослый детина с размахом рук в два метра широко улыбнулся.

– Держи краба, – сдавил он железной хваткой ладонь Степана.

– Ты тут чего делаешь-то? – поинтересовался квестор, встряхивая пальцами, чтобы восстановить в них кровообращение. – Вроде на дальние планеты собирался.

– Финансирование урезали, – пробасил Тимофей. – Я, пока работы нет, решил науку двигать. В аспирантуру, вот, готовлюсь поступать. А ты на Церере намылился?

– Ага.

– Пойдем, провожу, – приобнял квестора за плечи будущий аспирант. – Мне в ту же степь. А ты дорогу запоминай, – подмигнул он. – Скоро пригодится. За тем жующим студиозусом – налево.

– В смысле «скоро пригодится»? – не понял Степан.

– Ты же теперь квестор, – пояснил Тимофей. – А ваша братия из Цереры не вылезает. Раз в месяц юные и пытливые умы устанавливают там закон, который мы потом всей кафедрой снять не можем.

– Не догадываешься, случайно, кто источник новой аномалии?

– Тут не надо быть великим детективом, – пожал могучими плечами терраформист. – В прошлую пятницу занятия были только у сто сорок третьей группы. Аномалия как раз тогда и появилась.

Коридор вывернул в огромный зал, заставленный саженцами и клетками с мелкой живностью. Дальняя стена помещения была прозрачной, за ней плескалась вода, пронизанная снопами зеленого света. В её изумрудных глубинах шевелились щупальца и плавники эльварийца.

Тэккат – а это был он – почувствовал присутствие Степана и направил на ученика один из длинных глазных отростков. Впрочем, убедившись через секунду, что Стариков пришел не к нему, инопланетянин переключил свое внимание обратно на портал – область искаженного пространства в центре зала.

Степан и Тимофей прошли сквозь завязанные в узел измерения и оказались в слабо освещенном помещении с широкими окнами. За стеклом к близкому горизонту убегали серые холмы Цереры.

– Здесь у нас – один из выходов на поверхность, – будущий аспирант повел могучей рукой в сторону шлюза. – Если тебе приспичит погулять по местным буеракам – учти, что земная гравитация поддерживается только на станции и прилегающей территории. В диких краях рекомендую опробовать прыжки вверх.

– Может ты хотел сказать «не рекомендую»? – покосился на Тимофея квестор. – Кто меня потом в открытом космосе ловить будет?

– В открытый космос не улетишь, – заверил терраформист. – Поверь опытному исследователю. Максимум – метров на двести поднимешься. А с такой высоты как раз открывается прекрасный вид на долины и кратеры.

– На серые долины и серые кратеры? – скептически спросил Степан, шагая по коридору вслед за широкоплечим проводником. – Сомнительное удовольствие.

– Нету в тебе романтики первооткрывателя, – укоризненно заметил Тимофей. – Каждый серый холм – это потенциально зеленый холм. Как говорит наш завкафедрой, Земля была безвидна и пуста, пока не пришел терраформист. Учись видеть потенциал, юный квестор. Для тренировки можешь взять мраморную глыбу и созерцать её по вечерам, представляя, какие статуи прекрасных дев из неё можно сделать.

– Уроки старого терраформиста? – усмехнулся Степан. – Не, серые долины мне все равно не нравятся. Я, пожалуй, подожду с прогулками, пока вы тут флору не запустите.

– Долго ждать придется, – сказал Тимофей, открывая дверь в лабораторию. – Мы здесь постоянных изменений не делаем. Проверяем, как новые законы работают – и всё обратно сбрасываем в ноль. Так что флора и фауна на поверхности задерживается максимум на месяц.

Лаборатория широкой подковой охватывала опытное поле – участок серого грунта, состоявшего главным образом из пористой глины и льда. Вокруг поля на стальных стеблях колосились анализаторы и датчики.

В длинном помещении было многолюдно, лаборанты и студенты, разбившись на группы по десять-пятнадцать человек, сидели за круглыми столами и готовились к экспериментам. Тимофей подвел Старикова к седовласому мужчине лет пятидесяти, на лице которого застыло печальное выражение.

– Степан Стариков, новый квестор, – лаконично представил Степана будущий аспирант. – А это – научный руководитель лаборатории профессор Экхард Вернер.

– Ох, да не стоило вам беспокоиться, – поспешил заверить профессор, пожимая руку нового квестора. – Мы бы и сами разобрались. Тут у нас, слава богу, никто не пострадал.

– Насколько я понимаю, с момента появления аномалии прошла почти неделя, – возразил Степан. – И разобраться самим у вас не получилось.

– Орешек попался твердый, – признал Вернер. – Ребята в сто сорок третьей группе очень талантливы. Но я бы на вашем месте не стал тратить время на этот эпизод. В конце концов, это просто студенческая шалость.

– Из-за которой вы уже шесть дней не можете проводить эксперименты, – не согласился Стариков. – Думаю, время потратить все-таки стоит. Расскажите подробнее, что это за аномалия, кто из студентов её установил, – попросил он.

– М-м... хорошо, – почесал седую бровь профессор. – Только я вас очень прошу, не наказывайте этих ребят слишком строго! – взволнованно добавил он.

– Мы в тюрьму за шалости не сажаем, – успокоил его Степан. – Будут сотрудничать – отделаются выговором.

– Что ж... воздействие аномалии можно наблюдать на нашей экспериментальной площадке, – махнул рукой Вернер.

В мыслеинтерфейсе появился широкий экран – казалось, он возник сам собой, повиснув в воздухе рядом с профессором. На экране демонстрировался участок поверхности Цереры – относительно ровное поле, освещенное многочисленными прожекторами. По его серой глади тянулась легко различимая надпись, выполненная чем-то темным.

– «Каждому лектору – в ... по вектору», – прочитал Степан. – Гм.

– Классика, – прокомментировал Тимофей.

– И вы из-за этой надписи приостановили эксперименты? – посмотрел на Вернера квестор. – Стереть не пробовали?

– Вы недооцениваете наших студентов, – обиженно заявил профессор. – Надпись стереть невозможно, её существование определяется законом. Более того, эта надпись – лишь верхний слой фрактала, который начинается на атомарном уровне.

– Если возьмешь микроскоп и помотришь на образцы местной почвы, то увидишь надпись на каждой частице, – пояснил будущий аспирант. – И она повторяется при любом увеличении.

– Мы полагаем, что ребята установили закон, который изменил углы между электронными орбиталями атома углерода, – пояснил Вернер. – Если бы они выбрали какой-нибудь другой элемент, не столь распространенный, мы бы могли продолжать опыты. Но углерод – основа биологического цикла, мы просто не можем его обойти. Поэтому мы взяли паузу. Аномалия без поддержки рано или поздно пропадет.

– Может, вместо ожидания стоило перенести приборы на другой участок Цереры? – предложил Стариков. – Или это слишком долго?

– А я не сказал? Аномалия охватывает всю нашу маленькую планетку, – смущенно улыбнулся седовласый профессор. – Надписями сейчас покрыта вся Церера.

Степан вздохнул: терраформисты в своем репертуаре, на мелочи не размениваются.

– Вы говорили со студентами? – спросил он. – Просили их снять этот закон?

– К сожалению, они не помнят точных параметров, – развел руками Вернер.

– Это ж студенты, – пробасил Тимофей. – Себя вспомни.

– А без точных данных – сами понимаете, можно сделать ещё хуже, чем сейчас, – на всякий случай добавил профессор.

Стариков кивнул. Попытка снять аномалию вслепую легко могла её усилить, в таких случаях была только одна рекомендация: ждать, пока закон не ослабнет и не перестанет действовать. По крайней мере, так было написано в учебниках. Однако эльвариец по имени Тэккат имел на сей счет другое мнение.

Степан прислушался к своим ощущениям. Лаборатория была наполнена аномалиями, как лавка восточных специй – ароматами. Законы звучали в сознании квестора цветными нотами, сливаясь в сложный аккорд из радужных линий, выстраиваясь в многомерную музыкальную филигрань из света. Все они взаимодействовали друг с другом, порождая на пересечении линий новые, неожиданные оттенки и звуки.

Некоторые законы обеспечивали в лаборатории земные условия – привычную гравитацию, защиту от радиации, нужное давление и состав атмосферы. Они были яркими, но охватывали лишь небольшую область сложного сплетения. Стариков сосредоточился на внешних границах своего восприятия и обнаружил слабую, еле светящуюся линию, закрученную в замысловатый узор. Она оставляла ощущение эха уже отзвучавшей мелодии – а Тэккат как-то упоминал, что закон, оставленный без поддержки, похож на стихающий аккорд.

«Исчезни», – напряг волю Степан.

Мягкий толчок – словно от внезапно налетевшего порыва ветра – заставил квестора сделать шаг назад. Чужой закон сопротивлялся, давил, увеличивал свой напор всё больше и больше, но в конце концов отхлынул в бессилии. Нить бледного света погасла, сделав клубок аномалий чуть менее запутанным.

– Ого, – негромко произнес Тимофей.

– Похоже, у вас получилось, – присмотрелся к виртуальному экрану профессор. – Надписи не видно.

– Мужчина, ты меня пугаешь, – нервно усмехнулся будущий аспирант. – Этот закон пятнадцать человек устанавливали.

– Пятнадцать студентов, – пожал плечами Стариков. – И он уже был на последнем издыхании, я его просто добил.

– Ты же знаешь, что при коллективном законотворчестве воля не складывается, а умножается? – уточнил Тимофей. – Именно поэтому у нас тут только командная работа – одному человеку не под силу терраформировать планету.

– Знаю, – кивнул Степан. – У нас был курс терраформирования. Кажется, при переделке новой планеты за образец берутся данные с Лазурного Берега Франции, верно?

– Есть несколько вариаций, но основной набор параметров мы действительно берем в Авиньоне, – подтвердил Вернер. – Смотрим, какие законы там действуют и переносим их в новый мир. Для нас Лазурный Берег – своего рода эталон.

– И это был очень грамотный выбор отцов-основателей нашей кафедры, – подмигнул Тимофей. – Студенты обязаны регулярно посещать Ривьеру, чтобы проникнуться нужной атмосферой. Сто сорок третья группа вчера оттуда вернулась, отдохнувшая, набравшаяся сил, готовая к новым подвигам.

– Кстати, не проводишь меня к этим героям? – попросил его Стариков. – Чтобы долго их не искать.

После воспитательной беседы с юными терраформистами Степан решил сгонять в Мельбурн за оставленной там доской для серфинга. На обратном пути, когда он уже входил в городской терминал со своим длинным грузом, в его мыслеинтерфейсе замигал вызов от незнакомого абонента.

«Квестор Стариков», – отозвался парень.

«Как дела, Степан Александрович?» – раздался в голове голос Арепьева.

Степан скосил глаза на имя возле значка связи.

«Симус О’Брайен? – усмехнулся он. – Как вы обманули систему идентификации личности?»

«Потом научу, – пообещал пенсионер. – Слушай, Степан Александрович, я все-таки хочу передать тебе записи, которые я делал, пока работал на Ермолина».

«Мы же с вами договорились, что я сам разберусь, – напомнил Стариков. – Проведу независимое расследование и, если ваша история не подтвердится, вы явитесь с повинной».

«Но с моими материалами ты поймешь, где копать! Не хочешь рассматривать их как доказательства – ради бога, но хотя бы ознакомься! Иначе твое расследование затянется на годы».

«Нет. Ваши записи будут влиять на мои суждения», – не согласился квестор.

«Вот ты упертый, – проворчал Арепьев. – Ладно, давай так: я тебе их передам, а ты с ними делай что хочешь. Можешь не открывать».

«Не надо».

«Встретимся в Лондоне, в пятом Пузыре. У меня тут сейф с данными».

«Вы что, на Земле?! – мысленно воскликнул Степан. – Вы помните, что в розыске? Вы хотя бы внешность поменяли?»

«Не учи ученого, – отмахнулся пенсионер. – Жду тебя».

Вызов завершился.

Стариков ещё минуту неторопливо продвигался вместе с людским потоком к portalу в Москву, потом скрипнул зубами, пробормотал «старый осел» и направился к другому терминалу.

Когда до перехода в Лондон оставалось несколько метров, в мыслеинтерфейсе парня замигал значок служебной связи.

«Степан, ты сейчас где?» – спросил вместо приветствия Палпалыч.

«В Мельбурне, – Стариков отошел в сторону, чтобы не мешать людям. – Мне тут по личному делу надо было. Я вам отчет по Церере переслал».

«Да, видел. Молодец. Давай-ка отложи пока свои личные дела и дуй в Лондон».

«Зачем?» – настороженно спросил парень.

«В помощь местным квесторам. Новости не смотришь? Включи».

Степан открыл сайт новостного агентства. На виртуальном экране с разных ракурсов показывали разрушенные небоскребы: среди тянущихся вверх изящных конструкций зияла широкая пропелшина, усеянная обломками. В конце короткой борозды, возле искореженных «пней» многоэтажек и строительного хлама, лежало разбитое шаровидное здание. От развалин вверх поднимался черный дым. Бегущая строка на красном фоне сообщала: «В Лондоне на деловой квартал рухнул Пузырь».

«Черт...»

«Ты поступаешь в распоряжение старшего квестора Роберта Брикмана, – известил Палпалыч. – Вот тебе его фотка и контакты, – добавил начальник отдела, пересылая файл. – Он про тебя в курсе, встретитесь возле места падения Пузыря».

«Понял», – коротко кивнул Степан.

Он повесил в профиле возле своего имени значок квестора, подхватил поудобнее доску для серфинга и решительным шагом направился в портал.

При взгляде сверху, из окна аэротакси, катастрофа впечатляла своим размахом, но по настоящему масштаб разрушений можно было осознать лишь приблизившись к месту трагедии на земле. Рухнувшие небоскребы образовали целые холмы из кремниевых пластин, стали и стекла. Пузырь – жилой, торговый и развлекательный комплекс, который совсем недавно левитировал над городом – возвышался горой искореженного металла.

Подозревая, что во время расследования придется помотаться по Лондону, Стариков закрепил такси за собой на весь день. Оставив машину с притороченной сверху доской за огороженным периметром, он прошел мимо спасателей и медиков к изломанным остовам зданий.

Повсюду валялись личные вещи, обломки мебели и бытовой техники. Над дымящимися завалами летала стая беспилотников, выискивая под строительными плитами живых людей. Стариков заметил торчавшую из кучи битого стекла неподвижную руку и отвел взгляд.

«Закон: в этой области стекло не обладает острыми краями», – напряг волю парень.

Погибшему это уже не поможет, но кому-то под завалами, возможно, даст лишний шанс. Устанавливать другие законы Степан поостерегся: боялся ненароком обрушить внутренние пустоты, в которых могли быть выжившие. Кроме того, среди представителей чрезвычайных служб были десятки виларов, они наверняка лучше знали, как именно подыграть себе законотворчеством. Место катастрофы гудело от аномалий, облегчающих работу спасателей и врачей.

– Мистер Стариков? – обратился к Степану высокий человек средних лет.

– Да, – ответил по-английски парень. – А вы – господин Брикман?

– Так и есть. Добро пожаловать, – старший квестор встряхнул руку московского гостя в энергичном рукопожатии. – Присоединяйтесь к команде, – приглашающе махнул он в сторону группы из десятка человек.

Степан подошел к коллегам. Среди них оказалось несколько знакомых из департаментов Москвы и Новосибирска. Через несколько минут Брикман привел ещё двоих, из Рима – похоже, сюда стекались все свободные квесторы Земли.

– Для четвертой группы, думаю, достаточно, – окинул взглядом собравшихся высокий англичанин. – Это – схема помещений пятого Пузыря, – перекинул он остальным файл с трехмерной моделью здания. – Внутри уже работают три бригады. Ваш участок выделен на схеме зеленым цветом.

– Что мы ищем? – спросил один из квесторов.

– Наша основная задача – выяснить причину падения, – ответил Брикман. – Как вам, возможно, известно, полет Пузырей обеспечивает компания “Head in the Clouds”, мы уже допрашиваем её сотрудников. В каждом летающем здании круглосуточно дежурят вилары, по три человека в смене. Они поддерживают закон, позволяющий Пузырю парить в воздухе, и перемещают здание над городом по довольно сложной траектории.

– Думаете, с этими дежурными виларами что-то случилось? – уточнил другой квестор. – Со всеми тремя?

– Это основная версия, – кивнул англичанин. – Необходимо найти их. Если кто-то из них выжил – допросить. Если нет – тела передать судмедэкспертам. Все данные по дежурным – в файле, который я вам переслал.

– Что насчет остальных Пузырей? – поинтересовался квестор из Нью-Йорка.

– Они уже приземлились, разумеется, – отозвался Брикман.

– Датчики зафиксировали необычные аномалии? – спросил Степан.

– Нет, все показания в норме, – покачал головой старший квестор. – Ещё вопросы? Нет?

Тогда за работу.

Стариков вместе с коллегами направился к гигантскому шару. Ажурные конструкции упавшего здания были окутаны дымом, вокруг стоэтажной громады мелкими мушками летали пожарные дроны, поливая сооружение пеной. Над разрушенным кварталом собиралась дождевая туча – вилары спешили потушить тлеющие завалы.

«Закон: в мои легкие не проникает дым и ядовитые газы, воздух вокруг меня не нагревается выше двадцати градусов», – приготовился Степан.

Он открыл схему здания – в поле зрения повисла модель с подсвеченными зонами и указателями – и наметил себе место входа.

«Закон: на моё тело не действует гравитация», – напряг волю квестор.

Затем оттолкнулся от разбитой плиты перекрытия и полетел к Пузырю.

Все внешние панели здания были сорваны или разбиты, так что проникнуть внутрь труда не составило. При падении Пузырь несколько раз перевернулся и замер в наклонном положении, поэтому коридор, в который пробрался Степан, уходил под пологим углом вверх. Парень повесил перед собой в мыслеинтерфейсе фотографии дежурных и начал обыскивать офисы, выходявшие в коридор.

Дым застилал взгляд, в нескольких метрах уже ничего не было видно. По мере того, как Стариков продвигался из комнаты в комнату, из темно-серого марева появлялись и исчезали сломанные кресла и диваны, разбитые столы, кадки с цветами, искореженная техника и офисные мелочи. Тут и там валялись сотрудники и посетители – Степан осматривал каждое тело, но выживших не находил.

Где-то через час с парнем связался Брикман:

«Как успехи, мистер Стариков?»

«Пока никак, – ответил по мыслесвязи Степан. – В здании были датчики аномалий? На схеме их нет».

«Да, датчики находились возле центральной шахты лифтов. Но, как я уже говорил, ничего необычного они не зарегистрировали».

«А должны были, вообще-то».

«Что вы имеете в виду?» – не понял старший квестор.

«Закон, который позволял Пузырю летать, был довольно сильным, – пояснил свою мысль Степан. – Даже если все три дежурных вилара перестали его поддерживать, прошло бы несколько дней, прежде чем этот закон начал ослабевать. Здание теряло бы высоту постепенно. И я бы сейчас чувствовал след аномалии. Но Пузырь рухнул сразу, а я ничего не чувствую».

«Вы хотите сказать, что кто-то намеренно отменил закон?»

«У меня только такое объяснение. А при ликвидации закона должен быть мощный всплеск воли».

«Но по нашим данным никакого всплеска не было, – возразил Брикман. – Значит, причина в другом».

«Как говорит Палпалыч, иногда врут даже датчики аномалий».

«Я сомневаюсь в вашей версии, мистер Стариков, но, если вас это успокоит, попрошу потом специалистов проверить работу регистрирующих приборов. А пока давайте не будем отвлекаться и продолжим выполнять текущие задачи», – холодно посоветовал старший квестор.

С чем и отключился.

– Замечательно, – буркнул Степан.

Впрочем, неизвестно, как он сам рассуждал бы на месте Брикмана. Ведь англичанин не знал того, что знал Стариков: про Арепьева и его сейф с данными. Степану очень не хотелось верить, что Пузырь обрушили только для того, чтобы достать пенсионера. Потому что если это так... Люди, которые это сделали, не останутся ни перед чем.

Однако для подобных выводов нужны очень веские основания.

Стариков почесал короткие волосы, стряхнув с них серый пепел. Доказательством его версии были бы следы насильственной смерти дежурных виларов. В то, что сотрудники компании “Head in the Clouds” выжили, парень не верил. Ведь тогда они бы просто не дали Пузырю упасть.

Но другой вилар выжить мог – Арепьев был сильным законотворцем, квестор на собственной шкуре убедился, что пенсионер способен постоять за себя. Если обрушение Пузыря – это атака на лысого огородника, значит нападавший не знал, где именно в здании тот находился, и ударил по площади. Это давало Арепьеву шанс уцелеть.

Пенсионер не выходил на связь – но это ещё ни о чем не говорило, возможно, он просто скрывался от наблюдения.

Степан оттолкнулся от дверного косяка и вылетел из задымленного офиса в коридор (перемещаться на своих двоих в помещениях с наклонным полом было жутко неудобно, поэтому парень не стал возвращать своему телу вес). Если Арепьев выжил, то он – ключевой свидетель катастрофы. Необходимо было найти его, и найти раньше, чем это сделают другие квесторы.

Стариков открыл файл с данными по делу пенсионера, отыскал там раздел биометрии, развернул трехмерную модель специфического отрезка ДНК, сосредоточился:

«Закон: мои обонятельные рецепторы гиперчувствительны к этому набору генов».

Затем он с шумом втянул пропахший гарью воздух. Ничего. Впрочем, он и не рассчитывал, что сразу уловит нужный запах. Парень сверился со схемой здания и поплыл по коридору в сторону посадочной площадки Пузыря. Арепьев наверняка прилетел сюда на аэротакси, его след должен был отыскаться возле главного входа.

Пенсионер нашелся через три часа. Он лежал в углу кафе под завалом из стульев и битой посуды, в непроницаемом коконе из защитных законов.

Степан постучал по зеркальной поверхности вытянутого овоида. Ответа не последовало – видимо, Арепьев отгородился от любых внешних воздействий. Можно было попробовать вскрыть защиту силой, но Стариков опасался, что мощное напряжение воли привлечет слишком много внимания.

– Ну и как прикажешь тебя вытаскивать? – пробормотал парень.

Весил кокон столько же, сколько и сам пенсионер – примерно восемьдесят килограмм. И занимал немалый объем, в карман положить не получится. Степан попытался изолировать зеркальный овоид от силы притяжения, но законы, которыми себя окутал Арепьев, этому вос-

противились. Почесав в затылке, парень решил, что лучше всего – просто выждать. Рано или поздно пенсионер снимет свою защиту. А до тех пор надо сделать так, чтобы квесторы и спасатели его не нашли.

Оглядев разгромленное кафе, Стариков не обнаружил никаких подходящих мест, где можно было бы спрятать блестящий кокон. Мысль о том, чтобы оттащить тяжелый груз в какое-нибудь другое помещение, парень сразу отбросил: долго, да и нет гарантии, что Арепьева там не обнаружат. К счастью, в арсенале ученика Тэкката были нестандартные приемы.

«Закон: это место имеет пять геометрических измерений», – напряг волю Степан.

Пространство возле овоида исказилось, помятый чайник рядом с Арепьевым явил взгляду внешние закопченные и внутренние блестящие стенки. Стариков разгреб ногами мусорную кучу, уперся в наклоненный пол и с натугой приподнял кокон. Затем подвинул его к искривленному месту и толкнул в глубину пространственных складок. Туда же полетел синий поднос с наспех нацарапанным словом.

«Два измерения скрыты от восприятия», – постановил парень. – *«Этот закон прекратит своё действие, если будет произнесен пароль»*.

Дымный воздух над разбитыми тарелками разгладился, скрыв зеркальный овоид от любопытных глаз. Степан отшвырнул в сторону завязавшийся в узел чайник и вылетел из кафе.

Осмотр здания завершился далеко за полночь. Квесторы по общей конференц-связи отчитались Брикману о результатах – вернее, об их отсутствии. Выживших в Пузыре не обнаружили, тела дежурных виларов из компании “Head in the Clouds” найдены не были.

Англичанин поблагодарил иностранных коллег за сотрудничество и отпустил по домам. Дальнейшим расследованием должны были заниматься местные квесторы.

Стариков не стал сразу возвращаться в Москву. У него была одна идея, и он хотел её проверить. Устроившись в забегаловке неподалеку от места катастрофы, парень связался с транспортной компанией, которая владела всеми аэротакси Лондона, и запросил список пассажиров, покинувших Пузырь за десять минут до падения. А заодно – и маршруты их машин. В ожидании ответа Степан жевал пиццу, запивал её кофе и прокручивал в голове возможный ход событий.

Для того, чтобы убрать закон левитации, надо было сначала избавиться от трёх виларов, дежуривших в центральном помещении Пузыря. Это значит, что преступник был внутри здания и, после того как он нейтрализовал дежурных, ему необходимо было это здание покинуть. Вряд ли преступник... Или преступники? Пока не важно... Вряд ли он стал бы снимать закон, находясь внутри Пузыря. Но и издалека ему работать тоже было несподручно: чем дальше объект, тем труднее на него воздействовать своей волей. Нет, он наверняка был где-то рядом, висел в такси возле здания и сосредотачивался на параметрах закона...

В интерфейсе парня замигал значок вызова, над которым возникло изображение рыжеволосой красавицы. Стариков мысленно нажал на него.

«Ну ты как там, Степашка?» – прозвучал в голове голос Дарьи.

«Нормально. Устал немного, – ответил парень. – Чего не спишь?»

«Уснешь тут, – проворчала студентка. – По всем новостям Лондон показывают, ужас просто. Столько жертв... И ты там в Пузыре, в этом дыму часами ходишь... Хорошо, хоть, сказал, куда из Мельбурна направился. В одном репортаже недавно сообщили, что около ста квесторов покинули место падения – тебя тоже отпустили?»

«Да, я через несколько часов приеду. Надо кое-что доделать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.